

Чжан Хуайминь кивнул:

— Именно так. Аромат Семи Увечий усилил яд Травы Сотни Увяданий, и теперь отраву проникла в кости. Её не вывести, если не разыскать Ча Тяня и не добыть у него Пилюлю Нефритового Кардамона. Иначе во всей Поднебесной не найдётся тому противоядия. Только вот не пойму: если Цзинкон помогал вам очиститься от яда, зачем было подмешивать Аромат Семи Увечий?

Сяо Лян вспомнил тот день: как Цзинкон предостерегал не прикасаться к фруктам и овощам, что прислала наложница Чэнь Лю. От тех исходил странный аромат — теперь он понимал, что Аромат Семи Увечий наверняка не имел к Цзинкону никакого отношения. Но кто-то же рассчитал всё до мелочей, подослав отраву как раз в тот миг, когда он избавлялся от Опыянения Бессмертного? Значит, и тот, кто изначально подсыпал Опыянение, скорее всего, был связан с наложницей Лю. А ещё он вспомнил, как Цзинкон настоял, чтобы в помощь позвали Цзи Ланя. Неужели тот тоже был в курсе?

Мысли его закружились, перебирая одну догадку за другой, и он на мгновение отрешился от реальности.

— Ваше высочество, о чём задумались? — окликнул его Чжан Хуайминь. — Кто же мог быть столь злобен? Ведь Опыянение Бессмертного может проникнуть лишь в тело ребёнка.

— Подумайте хорошенько, — добавил Пэй Шан. — Опыянение Бессмертного подобно вину, и действует оно только на детей. Кто в детстве мог вас опаивать?

Сяо Лян изо всех сил старался вспомнить, но так и не мог понять, когда именно попал в ловушку. Слишком уж давно это было.

— Сейчас не припоминается, да и не стоит об этом, — отмахнулся он. — Господин Чжан, давайте лучше вернёмся к делу, ради которого я сюда явился.

Чжан Хуайминь взглянул на Пэй Шана, и тот, высунув язык, поспешил ретироваться:

— Тогда я удаляюсь. Учитель, ваше высочество, не спешите.

Когда Пэй Шан вышел, Сяо Лян поднялся, подошёл к Чжан Хуайминю и опустился перед ним на колени:

— Дядя, примите поклон вашего племянника.

Чжан Хуайминь поспешно поднял его:

— Как я могу такое принять? Лян, да ты уже совсем взрослый. Когда я покидал столицу, твоя мать ещё даже не ждала тебя. Если бы знал, что тебя опутают интригами, ни за что не ушёл бы так рано.

— Дядя, мать говорила, что весь наш род Ян истреблён, — спросил Сяо Лян. — Почему же в завещании она упомянула дядю, которого «нет в живых»? Из стихотворения, что она мне оставила, я вывел имя Чжан Хуайминь. Если бы вы и вправду умерли, она не стала бы вас упоминать. Поэтому я всегда верил, что вы живы. Но я был заточен во дворце и не мог никого послать на поиски.

Чжан Хуайминь вздохнул:

— Долгая это история. Вскоре после моего рождения я заболел тяжёлым недугом. К нашему дому подошёл даос и сказал, что может меня исцелить, но для этого должен увезти из столицы. Ещё он сказал, что у нашей усадьбы Ян — облик сокрытого дракона, и через несколько десятилетий здесь явится императорский талант. Твой дед, опасаясь беды, но видя, что даос и вправду меня вылечил, согласился отпустить меня с ним. Он знал, что твой отец по натуре подозрителен, и если тот услышит про «сокрытого дракона», непременно начнёт чинить нашему роду препятствия. Тогда дед, страшаясь будущих невзгод, объявил, будто я умер.

Сяо Лян вспомнил, как, переехав в дом князя Циня, слышал толки о том, что у рода Ян — облик сокрытого дракона. Теперь он поверил словам дяди ещё больше.

Чжан Хуайминь продолжил:

— Учитель водил меня по свету, и лишь когда я вырос, открыл моё происхождение. Тогда в Поднебесной царила смута, и двор нуждался в людях, вот я и поспешил вернуться в род Ян, чтобы послужить стране. Но учитель велел не торопиться, а только письмом известить семью о том, что жив. Вскоре я получил письмо от твоего деда. Он писал, что, дабы помочь твоему отцу, притворно перешёл на сторону князя Нина, чтобы заманить в ловушку королевский клан Эрхя с Южных земель и разом покончить с кланом и мятежниками князя Нина. И велел мне возвращаться домой лишь после завершения этой затеи. В то время он страшился, как бы твой отец не проявил чёрную неблагодарность, а твоя мать носила под сердцем твоего третьего брата, и это его тоже тревожило.

Сяо Лян вспомнил материнское завещание и понял: опасения деда в конце концов сбылись.

— Но как же вы, дядя, стали таким? — спросил он.

По годам Чжан Хуайминь должен был быть чуть за сорок, а выглядел восьмидесятилетним стариком.

— Я прослышал, что войска Эрхя подступили к Цзянлину, и ужаснулся за род Ян, — продолжал Чжан Хуайминь. — Поскакал в город, но всё равно опоздал. Весь город был залит кровью. Я добрался до ворот дома Ян — повсюду лежали мёртвые. Потом отыскал место, которое дед в письме назвал убежищем для домочадцев, — и там ни души живой. Я знал, что твой отец под предлогом помощи наверняка обрушит на род Ян кару, но не думал, что будет столь жесток — не пощадил даже троих детей твоего второго дяди. Помнил, что у третьего дяди были сын и дочь. Нашёл тело девочки, а мальчика — нет. Искал везде, но безуспешно.

Сяо Лян разрыдался. Он читал материнское завещание, но там не было таких подробностей. Никогда не думал, что его всегда добрый отец мог оказаться столь беспощадным — убивать даже детей.

— Лян, успокойся, — стал уговаривать его Чжан Хуайминь. — Не волнуйся так, а то спровоцируешь действие яда — беды не оберёшься.

Сяо Лян вдруг задышал тяжело и прерывисто. Чжан Хуайминь испугался, выхватил золотые иглы и быстрыми уколами в несколько точек едва унял приступ.

— Я в порядке, — прошептал Сяо Лян. — Продолжайте, дядя.

— Мной овладела ярость, и я вознамерился пробраться во дворец. Для этого принял одну траву — она состарила мой облик на десятки лет. Когда твоя мать вернулась в усадьбу Ян почтить память семьи, я предстал перед ней, но не открыл своего настоящего имени. Просто показал

знак, оставленный твоим дедом, и сказал, что послан оберегать её. Тогда она рекомендовала меня твоему отцу как искусного врача — так я и попал в императорский госпиталь. Задумал я тихо и незаметно отравить твоего отца. Но он был крайне осторожен — никогда не призывал меня для осмотра, зато поручил присматривать за вами, принцами. В отчаянии я решил: убью всех принцев, чтобы отомстить за истребление рода Ян. Твоя мать вскоре раскусила мои планы, и мне пришлось открыться. Она любила твоего отца всей душой и не желала такого исхода. Умоляла меня остановиться, твердила, что принцы невиновны. Я не устоял — вспомнил клятву врача — и дал слово. Потому и ушёл на покой раньше времени. Если бы знал, что тебя опутают козни школы Врат Ци, ни за что не ушёл бы.

Сяо Лян вздохнул:

— Дядя, не только меня. Если бы мать не проявила тогда мягкость, её бы, наверное, тоже не убили.

Чжан Хуайминь остолбенел:

— Что?! Твою мать... убили? Говори скорее, что случилось!

— Смерть матери полна загадок, — сказал Сяо Лян. — Поедьте со мной в столицу, там всё обсудим.

И тут он почувствовал, как в груди вспыхнула острая боль, и дыхание перехватило.

Чжан Хуайминь поспешил успокоить его:

— Лян, береги себя! Ты — последняя капля крови нашего рода Ян, с тобой ни в коем случае нельзя допустить беды. Я пока не могу ехать с тобой в столицу, потому что яд Травы Сотни Увечий можно изгнать только Пилюлей Нефритового Кардамона, что у Ча Тяня. Но школа Врат Ци и наша школа Шэньнуна всегда держались каждая своей стороны, так что дело это трудное.

— Когда великий мастер Цзинкон спасал меня, там был ещё один человек, — сказал Сяо Лян.

— Полагаю, он как раз связан с тем Ча Тянем, о котором вы говорите.

— Кто это? — тут же спросил Чжан Хуайминь.

Сяо Лян слабо улыбнулся:

— Этот человек мне знаком. Вам лучше оставаться в гостинице и не тревожиться.

Чжан Хуайминь покачал головой:

— Я подожду здесь три дня. Если через три дня от того человека не будет вестей о Ча Тяне, отправлюсь на поиски сам.

Сяо Лян понял, что переубедить его не удастся, и кивнул:

— Хорошо.

Он вышел, и мысли его вновь устремились к Цзи Ланю. В тот день Цзинкон настоял, чтобы помогал именно Цзи Ланю. Есть ли связь между Цзи Ланем и Ча Тянем? Он готов был бы сейчас обернуться птицей и полететь назад, чтобы спросить его в лицо.

С тех пор как Сяо Лян уехал в город с Юнь Чжао, Сяо Цзюэ не отходил от покоев Сяо Цяня,

присматривая за ним. Лицо Сяо Цяня всё ещё было бледным, но придворные лекари, проверив пульс, сказали, что упадок сил прекратился и есть признаки выздоровления. Сяо Цзюэ никак не мог взять в толк: что же заставило Сяо Цяня искать смерти? Он снова и снова разворачивал свиток, переданный ему Мэн Кэ. Смысл изображённого был ясен: засохший бамбук, пожелтевшие листья, рыба, прыгающая через Врата Дракона.

Все знали, что бамбук любит он, Сяо Цзюэ, но мало кто ведал, что Сяо Цянь тоже питал к нему особую слабость. Неужели в этом свитке Сяо Цянь указывал на себя, на свой увядающий стебель? Он размышлял долго — и вдруг понял. Старший брат намеревался уйти из жизни сам, разорвать узы, связывающие их, чтобы Сяо Цзюэ мог бороться за престол без оглядки? Он никак не мог взять в толк: что же такое могло заставить Сяо Цяня столь решительно от всего отказаться? Неужели тот и вправду уверен, что наёмные убийцы были подсланы им, Сяо Цзюэ?

<http://bllate.org/book/15946/1425780>